

The background of the cover is a dark, moody illustration. It depicts a brick wall on the left and a window with a grid pattern on the right. A strong, diagonal beam of light from the window illuminates a portion of the brick wall and a person lying on a bed in the foreground. The person is mostly in shadow, with only their legs and feet visible, wearing red pants. The overall atmosphere is somber and dramatic.

БОРИС ПУКИН

**НЕПОСЛУШНАЯ
ЖИЗНЬ**

Борис Пукин

НЕПОСЛУШНАЯ
ЖИЗНЬ

Бостон • 2024 • Чикаго

Борис Пукин. Непослушная жизнь

Редактор Юлия Тимошенко

Boris Pukin. Naughty Life

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Boris Pukin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-49-4

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Моей жене

СОДЕРЖАНИЕ

Всё меньше и меньше	9
---------------------------	---

ДЕТСТВО МОЁ

Вступление.....	15
Я родился	16
Я еду в Москву.....	18
Я их не знал	20
Седьмая Парковая улица.....	24
Детский сад	27
Черкизовский лес	29
Сестра	31
Цивилизация идёт	33
Политические прогнозы	36
Мой лексикон	39
Мои школы	42
Доморощенный Пржевальский	45
Подвал	48
Петровский ботик	51
Венгрия и всё такое	54
Катание на Зойкином велике.....	57
1957-й.....	60
Четвёрка по математике и вообще о моих родственниках	63

Выезд на дачу, а также об искусстве	66
Детства мои	68

РАССКАЗЫ

От мала до велика	73
Дилемма	83
Дорогие мои соседи	86
Жизнь, прожитая зря	94
Мой двор	97
Дети — цветы жизни	106
Барак № 6	109
Непослушная жизнь	118
Орден Красной Звезды	121
Мансарда	128
Иосиф	147
Голубой барак, или Дороги, которые нас выбирают	154
Мечты	167
Харлам Беляк	171
Поп Аким	178
Письмо другу, или Жизнь на макушке дерева	188
Исповедь	205
Цена жизни	211
Лудзас 66	227
О друзьях-товарищах	235
Земля эмигрантов	243

ВСЁ МЕНЬШЕ И МЕНЬШЕ

Проходят годы—уходят люди. Нет больше рядом со мной многих родных и друзей, что ушли в Другой Мир. А есть ли он, этот Другой Мир? Большинство людей верят, что оно—это Потустороннее Царство—существует. Без этой мечты человечество давно бы погибло, люди уничтожили бы подобных себе, дабы захватить всё что можно и поскорее. Покуда я живу в этом мире и понятия не имею, когда придёт мой черёд исчезнуть с лица земли, я хочу взять всё, что успею. И вот тут мы вспоминаем о Боге, в каком бы виде он ни существовал. И дело не в том, что после кончины мы предстаём пред очи седовласого седобородого старца с посохом в руке, и он, зная всё о земных деяниях наших, определяет нам место в его Царстве, которое мы называем Другой Мир. Я бы назвал этот мир—Другое Измерение. Измерение это есть у каждого из нас; хотим мы этого или нет, мы не в силах избавиться от него. Оно живёт в нас с рождения и до смерти; оно нам и помогает, и мешает жить; оно заставляет нас совершать поступки великие и постыдные; оно, это измерение, толкает нас на любовь и ненависть, и называется это измерение—Память. Память мозга, память сердца, память души нашей. Когда человек теряет руку или ногу, он, опираясь на память, учится жить и работать по-другому, при этом оставаясь в том же измерении. Когда человек теряет память—он теряет жизнь.

Когда-то меня окружал сонм родных и друзей, а теперь их становится всё меньше и меньше: папа, мама и многие друзья уже перешли в Другое Измерение. Были времена, когда я обращался к этим людям за советом и получал живой ответ. Теперь же они обретаются только в моей памяти, и если мне нужен их совет, то я его получаю, но совет этот — это то, что, я думаю, они дали бы мне, ежели были бы живы... И я частенько ошибаюсь, принимая те или иные решения, но не смею винить дорогих мне людей, живущих в моей памяти. Я пытаюсь сделать всё, что могу, чтобы было им тепло и уютно в их новом пристанище — моей памяти. Ведь я не знаю, каково им будет после того, как я покину этот мир и перейду в Другое Измерение. Сам я перейду в память моего сына, а каково будет им, близким мне людям, в его Памяти — я не ведаю. Люди, обитающие в Измерении под названием Память, живут столько, сколько их помнят, а мир наш создан так, что даже память не вечна.

Нам Богом суждено движенье
 Из часа в час, из года в год.
 Победы, горечь поражений...
 То жизненный круговорот.
 Мы появляемся на свет
 Из Измерения Любовь
 Не зная, сколько зим и лет
 По жилам будет мчаться кровь.
 Мы жизнь проводим на бегу,
 Порою из последних сил.
 Частенько веруя врагу,
 Что для тебя могилу рыл.
 Остановиться не хотим,
 К источнику на миг припав.

Куда-то рвёмся через дым
Мечты, сгорающей во прах.
Не слышим памяти совет
И голосов ушедших душ.
«Да» произносим вместо «Нет»,
Сорвать надеясь крупный куш.
Когда ж у финишной черты
Отчёт Всевышнему даёшь,
Из сокровенной полутьмы,
Что видел ты и только ты,
Себе же голову сечёшь.
Но милость Божья без предела:
Глаза в слезах, стоишь у тына,
Что окружает отчий дом
Родителей тобой любимых.
Ты в память сына водружён.

ДЕТСТВО МОЁ

Повесть не всегда о детстве

Моей сестре Марине

...Что-то уже стёрлось из памяти. Что-то добавлено. Некоторые имена и события изменены. Но дух детства моего остался таким, каким он был и есть...

ВСТУПЛЕНИЕ

Детство моё затянулось на семьдесят лет. Я не шучу. Даже сейчас, будучи «в возрасте», чувствую себя ребёнком. Нет, я не выживший из ума (надеюсь) старик — я всё ещё дитя. Мировосприятие моё и сейчас детское, в чём-то наивное. Слушая «дядей и тётей» по телевизору, которые объясняют мне, что имел в виду тот или иной политик, сказавший, что он собирается в субботу к теще на блины, я думаю себе, что эти «дяди и тётки», которые никогда в жизни не работали в прямом смысле этого слова, считают меня ребёнком, который ещё мал и глуп и ничего не понимает. За это они поставят меня в угол, как когда-то делала мама за непослушание. Будь на то моя власть, я порол бы этих «дядей и тётей» на паперти каждую пятницу, дабы не повадно им было смущать моё «детское» восприятие жизни.

Я РОДИЛСЯ

Итак, я родился. Появился ваш слуга на свет в больнице города Краснотурьинска на Урале в декабре месяце. Как рассказывала моя бабушка, был крепкий мороз, и сильно снежило. Везли меня домой вечером на оленьей упряжке бабушка с мамой. На крутом повороте сани перевернулись, и я исчез. Точно знаю одно — пришельцы из космоса меня не крали. Нашёл меня каюр минут через пять неподалёку в сугробе. Бабуля сказала, что я даже не проснулся от этой передрыги, а продолжал спать, упакованный в тёплый белый конверт. Очевидно, с этого момента проявилась моя первая и очень важная черта — умение спать. Это умение, одна из отличительных черт характера мужчин, особенно развита в моей семье.

Итак, я дома. Дед мой был заместителем директора по снабжению Краснотурьинского Алюминиевого Комбината в чине полковника-интенданта. Жили мы в семикомнатном доме. Обитателями этих хором были дед, бабушка, мама с папой, вор в законе Вася — моя нянька, волкодав Сенька и я. Колоритная семейка, скажу я вам. Жили мы, по тем временам, очень прилично. Двери в дом никогда не запирались благодаря присутствию Васи и Сеньки.

Каждый вечер, когда дед приходил с работы вместе с моим отцом, вся семья собиралась за столом обедать.

Моё место было на столе возле дедушки. Распелённый (в доме всегда было очень тепло) я кряхтел и сучил ручками и ножками, а дед гладил меня по животику и умиленно улыбался.

Однажды дедушка пришёл домой позже обычного. Все уже пообедали, а я спал себе в кроватке в спальне родителей. Мой верный страж свернулся калачиком рядом с моим ложем, честно неся службу. Сенька, огромный чёрный волкодав, был незлым хорошо воспитанным псом с большими добрыми глазами и пушистым хвостом. В тот вечер я мучился животиком, и мама напоила меня укропной водичкой. Успокоился я только после того, как наделал в подгузник. Сенька, моментально очнувшись от дрёмы — ему явно не очень понравился запах, взял меня зубами за ползунки, принёс в столовую и аккуратно положил на стол рядом с дедовой тарелкой с супом. Мама, сидевшая рядом, унесла меня в ванную, подмыла и распелённого вернула на моё место на столе около деда. Заместитель директора в это время ел суп, и я, недолго думая, дал струю, траектория которой угодила прямо в тарелку деда. Не моргнув глазом, товарищ полковник доел суп и нежно погладил меня. Звали моего деда Лёва. Теперь так зовут моего сына.

Я ЕДУ В МОСКВУ

В тысяча девятьсот сорок шестом году деда перевели на работу в Москву, и вся семья, за исключением Васи и Сеньки, последовала за ним. По приезде в столицу дедушка был немедленно арестован и посажен в Бутырку, а нам дали комнату с печкой в десять квадратных метров на четверых в старом деревянном доме в получасе ходьбы от тюрьмы. Бабушка и мама носили деду передачи и были уверены, что это недоразумение скоро исправят и деда выпустят на свободу, но, увы, судебный процесс по делу полковника был недолог — пять дней, и приговор — двадцать лет лагерей с полной конфискацией имущества за хищение государственной собственности.

Дед мой всю жизнь проработал в торговле и в сфере снабжения, но никогда не воровал — он просто не умел и не хотел этого делать. В Краснотурьинске он получал паёк, в который входили папиросы «Казбек», огромная редкость по тем временам. Мой отец получал махорку и, будучи курящим человеком, просил деда отдать ему папиросы (товарищ начальник никогда не курил), на что дедушка отвечал:

— Ты не имеешь права на них, вот и кури свою махру.

Это не было жадностью — это был порядок, а папиросы полковник возвращал на склад.

Во время процесса адвокат потребовал перевода деда на скамью свидетелей, потому что состава преступления не существовало, но судья был неумолим. Полковник прекрасно знал, кто были настоящие преступники, но понимая, что если он назовёт их имена, то его всё равно посадят, а он поставит под удар свою семью, молчал. Дед взял всю вину на себя...

Через месяц он уже находился в лагере на Соловках, где, учитывая его превосходное знание русского языка, был назначен заведующим библиотекой. В середине лета и на Новый год бабушка получала от него открытки. Открытки эти были предметом моего обожания: они, как ёлочные игрушки, светились и переливались всеми цветами радуги. Особенно я любил смотреть на них зимними вечерами под треск поленьев в печке, рисуя в моём воображении только мне понятный сказочный мир. Удивительно, что всё, о чём я пишу, я знаю из рассказов бабушки и мамы, а вот эти открытки я помню в мельчайших деталях.

Дедушку своего я не помнил, и он представлялся мне совсем другим, нежели на старых фотографиях, где он был ещё очень молод. А вот бабушка была для меня самым любимым человеком. Она была моя Арина Родионовна. В этом же доме, который папа именовал «Вороньей Слободкой», в подвальной комнате жил мамин брат с женой. Но о нём я расскажу потом.

Я ИХ НЕ ЗНАЛ

Папиных родителей и сестёр я никогда не знал. Видел я их только на нескольких уцелевших старых фотографиях. Жили они в Риге. Папин отец был личным портным премьер-министра Латвии Ульманиса. Сохранилась фотография, на которой дед демонстрирует фрак, пошитый для главы государства. Он держит его на мизинце за вешалку, а фрак сидит как влитой на несуществующей фигуре. Семья деда жила в трёхэтажном каменном доме в полном достатке. В тысяча девятьсот сороковом году отец уехал в Советский Союз. Он хотел служить в Красной армии, но мой дед Нахман, зная о намерениях папы, написал письмо своему брату Михаилу в Узбекистан с просьбой не допустить этого. В нашем роду со времён испанской инквизиции никто не служил, я был первым, отслужив три с лишним года в рядах советской армии. Будучи членом правительства Узбекистана, брат деда выполнил его просьбу и отправил папу на Урал работать на алюминиевом комбинате, где работал тогда мой дед по маминой линии, Лёва, и волей судеб в тысяча девятьсот сорок третьем году папа встретил маму, и через два года на свет появился ваш верный слуга.

Судьба папиной семьи сложилась трагично. Ригу оккупировали фашисты, и всех моих родных должны были отправить в лагерь, но случилось чудо. Премьер Ульманис попросил коменданта Риги оставить его портного

жить в его доме, соблюдая комендантский час, и эсэсовец согласился. Какое-то время всё было относительно спокойно, но однажды холодным осенним вечером сорок первого года папина старшая сестра, возвращаясь домой с работы, нарушила комендантский час. Она опоздала на пять минут и была задержана патрулём у входа в дом. Всю семью, включая младшего брата деда Иосифа, арестовали и отправили в гестапо. Это был конец. Комендант Риги в это время был в Берлине в ставке...

О судьбе своей семьи папа узнал лишь в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, когда его пригласили в Венгрию в город Вац на открытие памятника к сороковой годовщине революции тысяча девятьсот девятнадцатого года. Одним из лидеров повстанцев был брат моего деда Нахмана. Там-то отец и узнал, что его родители и сёстры погибли в концлагерях. Последней ушла из жизни моя бабушка Эмма. Было это в начале сорок пятого года.

Чудом спасся дядя Иосиф. В конце войны у нацистов не было времени методично уничтожать узников концлагерей. Заключённых вывозили на баржах в Рижский Залив Балтики, выстрелом пушки топили баржу, и сотни людей, находившихся на ней, гибли в морской пучине. На такой барже вывезли в море и Иосифа, но Бог распорядился иначе. Баржу, на которой находился папин дядя, отбило судно шведского Красного Креста, и Иосиф был спасён. Полгода шведы выхаживали бывших заключённых в специальных санаториях, и когда дядька встал на ноги, ему предложили принять шведское гражданство. Он вежливо отказался, чтобы вернуться в Латвию и найти свою жену и дочь. В Риге он узнал, что его семья погибла в сорок четвёртом году. Самого же Иосифа советская власть отправила на поселение в Курск

(судьба тысяч так называемых перемещённых лиц), где через несколько лет он женился, и у него появилась дочь, огненно-рыжая, как и её отец. В семьдесят третьем году дядя Иосиф и дочь гостили у нас в Москве, и как-то в разговоре за обедом я сказал, что все немцы—убийцы, на что мой гость рассказал одну историю о себе.

Случилось это ранней весной сорок четвёртого года. Иосиф работал портным в одном из фашистских концлагерей. Как-то ночью, выполняя срочный заказ, он почувствовал, что он больше не может терпеть ужасов жизни в концлагере и, оставив горячий утюг на материале, ушёл в свой барак. Портняжная мастерская вспыхнула, как свечка. Сгорело всё—и манекены, и дорогой материал (Иосиф обшивал высший офицерский состав), и оборудование. Утром его пригнали к начальнику лагеря. Офицер выгнал всех из кабинета и приказал Иосифу сесть и внимательно его выслушать. Сухими словами, как нагайкой об сапог, полковник СС отчеканил, что с сегодняшнего дня его фамилия Кадаев, что по национальности он татарин, а не еврей (Иосиф был худым мужчиной со скуластым лицом), и что его переводят в другой концлагерь... Причину поступка эсэсовца он не знал, но сказал, что среди всех национальностей есть сволочи и добрые люди.

Этот урок я запомнил на всю жизнь, опять же почувствовав себя ребёнком.

Заканчивая историю семьи моего папы, хочу обратить ваше внимание на одну деталь. Дом, в котором жил мой дед с семьёй, как я уже отмечал, был большим трёхэтажным строением. Когда семью отца отправили в концлагерь, то дом этот фашисты превратили в бор-

ДЕТСТВО МОЁ

дель, повесив при входе красный фонарь. После освобождения Риги советской армией в этом доме поселился комендант города, а потом его превратили в райком партии... В восьмидесятом году перед отъездом из Советского Союза я с папой и женой посетил Ригу, и отец показал мне старую Синагогу, куда он ходил в детстве, она чудом уцелела. Уцелел и их старый дом, над входом которого всё ещё висел красный фонарь.

СЕДЬМАЯ ПАРКОВАЯ УЛИЦА

В тысяча девятьсот сорок девятом году отцу дали комнату в трёхкомнатной квартире нового двухэтажного дома, построенного пленными немцами. Дом этот, покрашенный в ядовито-жёлтый цвет, располагался на московской окраине в Измайлово. Городская черта проходила прямо за новостройкой, дальше было огромное картофельное поле, на котором уже давно никто ничего не выращивал, а за ним был Черкизовский лес. К слову сказать, в то же время отцу предложили вернуться в Ригу и поселиться в просторной четырёхкомнатной квартире, но семейный командир—мама—заявила, что не хочет жить в каком-то захолустье (Риге?!), и мы остались в столице нашей родины, в новом доме, где не было горячей воды, умывались на кухне, а еду готовили на керосинке—газа в доме тоже не было.

С момента переезда я уже отрывочно помню какие-то моменты нашего бытия. В самой большой комнате жила семья из пяти человек по фамилии Митины, в самой маленькой жила семья Цыпляевых: папа, мама и Наташка, и в средней по размеру комнате жили мы: папа Миля, мама Валя и я.

Двор наш был местом встречи жильцов и местом обсуждений проблем—от глобальных до соседских передраг. Главной достопримечательностью этого двора были бельевые верёвки. Чтобы пройти через них, надо

было наклоняться до земли, избегая стиранных простыней, наволочек, рубашек, лифчиков, кальсон и всевозможной расцветки трусов—мужских и женских. Детей в нашем доме было много. Мы играли в прятки, салочки, холи-хало, чижик, городки, а потому производили очень много шума и частенько получали «по шее» от мам и бабушек, мужики в этих «репрессиях» участия не принимали—они были выше этого. Обычно мужчины сидели за столом в центре двора, забывая «козла», и кумекали, как бы незаметно сообразить «на троих». Ну а остаканившись, говорить они начинали много громче, виртуозно при этом матерясь, за что получали свою порцию «по шее» от жён и тещ, но всё это было как-то беззлобно, по-семейному. Шёл пятый год, как кончилась война. Почти все мужики воевали. Многие вернулись с фронта хромыми, без руки или ноги. Все были добрее друг к другу. В те годы многое прощалось—пьянки, мат, лёгкий мордобой.

Как я уже заметил, детей моего возраста во дворе было много. Жили мы весело, с утра до вечера «пасясь» на воле, давая мамам возможность стирать, кухарить и ходить в продмаг. Папа возвращался домой с работы около семи вечера. В семь тридцать мы обедали. Для меня это была пытка—сидеть на стуле я должен был прямо, не класть локти на стол и кушать ножом и вилкой. Постигал я эту «науку» с великим трудом. Всё было бы ничего, если бы не одно обстоятельство: ел я только куриный бульон, хлеб, жаренную картошку и солёные огурцы, от всего остального меня рвало. Я ныл, что не хочу есть котлеты с макаронами, и, как следствие, бывал наказан и поставлен в угол, пока не соглашусь съесть хотя бы одну котлетку. Инквизиция! Я долго мучил эту проклятую котлету, после чего экзекуция закан-

чивалась, и время, оставшееся до девяти часов, слушал радио или рассматривал чертежи, которые папа приносил домой. Отец подрабатывал вечерами, делая технические переводы на русский с немецкого или латышского языка.

Вспоминается один эпизод. Тогда была в силе карточная система. Были мы в центре Москвы по делам, и мама зашла со мной в Елисейский гастроном, там за наличные можно было купить множество всякой вкуснятины. Маме страшно захотелось съесть пирожное, было ей всего-то двадцать четыре года. Ну вот, стоим мы у окна, мама ест пирожное «картошка», а я уплетаю солёный огурец. Люди вокруг смотрят с укоризной и обсуждают современную молодёжь: сама, мол, пирожное жрёт, а ребёнку огурец солёный сунула в рот. Надеюсь, вы помните, что не ел я пирожных — мне слаще был этот любимый солёный огурчик.

Прошло много лет, и теперь пирожное «картошка» — моё самое любимое лакомство.

ДЕТСКИЙ САД

Двор наш был ограждён с трёх сторон домом, а с четвёртой стороны пленные немцы заканчивали строительство детского сада — красивого двухэтажного строения с огромными окнами, деревьями, посаженными вокруг, и красивой литой чугунной оградой. В пятидесятом году стройка закончилась, и почти вся малышня нашего двора была принята в младшую группу. В садике были просторные комнаты, много игрушек и добрые воспитательницы, но, как всегда, в моей жизни не обошлось без проблем. Первое — я был маменькиным сыночком, и невзирая на то что я мог проболтаться целый день во дворе, в саду я всё время хныкал и просился домой к маме. Второе — это была еда. Особенно манная каша, от которой меня тошнило. Ничего не помогало, даже тот факт, что в смежную группу ходила моя любовь, Зойка из пятого подъезда, я продолжал заливаться слезами и канючить, что хочу домой. Чтобы подкрепить своё желание не ходить в детский сад, я стал кушать котлеты и макароны, но только дома. Упорство моё было вознаграждено, и через год мучений меня забрали из постылого садика. Целыми днями я или слонялся во дворе, или лепил, когда родители покупали мне пластилин, или собирал всякие механизмы из конструктора. Это были лучшие годы моего детства. К слову сказать, когда я призвался в армию, где прослужил положенные

БОРИС ПУКИН

мне три с лишним года, я быстро понял, что есть я должен всё, что дают, и уплетал манную кашу за обе щеки. После демобилизации зловредная манная каша была удалена из моего рациона. Меня и по сей день от неё тошнит.

ЧЕРКИЗОВСКИЙ ЛЕС

Уже в те далёкие годы я не любил спать один. Я любил спать с мамой (чем частенько огорчал отца) или бабушкой, но в основном спал со своим плюшевым мишкой, хотя больше всего хотел бы спать с Зойкой, просто спать рядом с ней. Даже в моём теперешнем детстве, когда жена уезжает на ночь присмотреть за внуками, я не могу спать один и обычно маюсь всю ночь напролёт.

С Черкизовским лесом и полем, что находились за нашим домом, связаны очень интересные воспоминания. Целой ватагой мы «ходили на поле», разводили костёр, пекли картошку да уплетали её за обе щёки — самая вкусная еда моего детства. Картошку, хлеб и соль мы таскали из дома (на поле этом картошки давно уже не было), но название «Картофельное поле» так и осталось.

Черкизовский лес — это совсем другая история. Со времён Великой отечественной войны там обреталась черкизовская банда: смесь вора, бандитов и дезертиров из армии. Почти каждую неделю, как стемнеет, мы наблюдали через окна, как отряд конной милиции с винтовками и пикапами направлялся по Седьмой Парковой улице мимо нашего дома в сторону страшного леса. Через два-три часа милиционеры возвращались с привязанными к лошадиным хвостам за руки пойман-

ными бандитами. Конные милиционеры подгоняли бандюков, поддавая им плоской стороной шашки по спинам. Иногда слышалась стрельба, и потом мы видели телегу с укрытыми телами. После таких «мероприятий» я обычно долго не мог заснуть, вздрагивая от каждого шороха. Зато весь следующий день мы с ребятами обсуждали нашу героическую милицию и играли в войну или казаков-разбойников, где я всегда попадал в плен, «геройски» не называл пароль и просил ребят провести меня перед Зойкой со связанными за спиной руками.

В пятьдесят первом с черкизовской бандой было покончено раз и навсегда, но лично я продолжал «попадать в плен» и геройски дефилировать перед моей пассией со связанными за спиной руками, когда она играла в песочнице.

СЕСТРА

Я не помню маму беременной. Сохранилось в памяти только то, что мама была худая, а потом вдруг стала толстая. И вот в марте тысяча девятьсот пятьдесят первого года в нашей двенадцатиметровой комнате появилась девочка с чёрными волосиками на головке, которая, как заводная кукла, крутила ручками и ножками и показывала язычок. Жильцы нашей квартиры сгрудились вокруг стола, на котором лежало это новорождённое существо, и умильно гугукали. Я был забыт всеми. Несколько позже отец, с его обычной педантичностью, объяснил мне, что эта маленькая девочка моя сестра и что зовут её Марина.

Наступил переломный момент моей жизни—я был отодвинут на задний план. Мой старый с вылезаящими пружинами, но очень любимый диванчик, стоявший в уютном уголке нашей комнатки за шкафом, был выдворен на помойку. На его место встала новая кроватка для Маринки. Я же был изгнан из своего уголка, которому доверялись все тайны, сидевшие у меня в голове. С этого момента я должен был спать на раскладушке посередине комнаты у шкафа. Ложе моё было у всех на пути, всем мешало, за моё «лежбище» цеплялись ногами и чертыхались. Когда все засыпали, я укрывался одеялом с головой и тихо плакал. Мне было плохо. Я не был никому нужен. Мне хотелось умереть, чтобы хоть кто-то

меня пожалел. В голову даже пришла страшная мысль: вернуться в детский сад и кушать всем назло манную кашу, но это было слишком, и однажды ночью я решил... повзрослеть. От этой мысли я немного успокоился и сразу заснул.

Как-то утром ещё до завтрака я уселся за стол пришивать моему любимому мишке оторванное ухо. Вчера мама сказала, что моего плюшевого друга пора выбросить, потому что из него сыплются опилки. От моего портняжного действия мишкино ухо свернулось трубочкой, но зато опилки больше не сыпались. Жизнь моего лучшего друга была спасена. Я с гордостью пристроил его на шифоньер и сел завтракать, делая всё это молча, по-мужски. За столом напротив меня, подперев голову руками, сидела мама. В глазах у неё были слёзы.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИДЁТ

Осенью пятьдесят второго года моя соседка Наташка переехала со своими родителями на новую квартиру, и мы получили их комнату. Теперь у нас стало две комнаты: одна столовая, где спали мама с папой, и одна детская, где обитали мы с Маринкой. У меня появился собственный диван, на котором я спал, и это было просто замечательно. У окна, где раньше стояла родительская кровать, взгромоздился письменный стол, на котором папа делал свои переводы, а я играл в конструктор, лепил и чертил. Чертить я обожал. Отец разрешал мне пользоваться его карандашами, линейками и готовальней. Я находил интересующую меня фотографию трактора, экскаватора или башенного крана в книге «Строительные машины и механизмы» и перечерчивал её на лист бумаги. Закончив свои труды, я показывал их папе и, когда он одобрительно кивал, попыхивая трубкой, брался за конструктор и пытался собрать модель начерченной мной машины. Иногда получалось.

На ноябрьские праздники пятьдесят второго года снега ещё не было — на улице было прохладно и сыкотно. У нас дома собралась компания друзей моих родителей отметить тридцать пятую годовщину Октябрьской революции. Я, предоставленный сам себе, пошёл погулять во двор. Около второго подъезда стоял трёхколёсный велосипед Валюны, моего дружка. Вокруг никого

не было, и я решил покататься на этой замечательной машине. Надо сказать, что в это время, как говорила мама, на нас свалилась цивилизация. Весь двор был перекопан траншеями метра в полтора глубиной — прокладывали газовые трубы, что означало конец керосинкам и моим мучениям — стоянием в очереди за «вкусно» пахнущим керосином. Как я уже отметил, было слякотно, а значит скользко, чего я не учёл, проезжая около траншеи возле своего подъезда... Полёт мой с велосипедом был быстрым и безболезненным, правда, у велика погнулось переднее колесо. Мои попытки вылезти из траншеи по скользкой глине не увенчались успехом и я... заплакал. Плакать я был мастак, но это не помогло. Начинало темнеть. Я сидел на трубе на дне траншеи, промокший и грязный, и смотрел на небо, на котором появлялись звёзды. Из окна нашей комнаты слышались обрывки песен в исполнении слегка подвыпившей компании. Я был совершенно забыт. Мне стало страшно. С одной стороны по траншее двигались тени каких-то чудовищ, а с другой — белогвардейцы с винтовками. Тут я совсем испугался, надул в штаны и, как истинный мужчина... заснул. Проснулся я от света фонарика, слепившего мне глаза. На краю траншеи стояла Валюнина старшая сестра Майка и смеялась. Она вышла, чтобы занести домой велик, и, не увидев его, пошла искать. Таким образом, через час я уже сидел дома умытый, обогретый и... наказанный папой за то, что взял чужую вещь без спроса.

С газификацией нашего дома связана одна забавная история. К нам приехала погостить «на недельку» мама дедушки Лёвы Фейга — моя прабабушка. Затянулась эта «неделька» почти на четыре месяца, что представляло для меня большие неудобства. Спала бабушка на моём

диване, а я снова переехал на раскладушку. Общаться со старушкой я не мог: она говорила только на идише, которого я не знал. Но самым большим неудобством был тот факт, что по пятницам с первой звездой Фейга зажигала субботние свечи, при этом долго читая молитвы. Свечи те горели до глубокой ночи, не давая мне заснуть. Каждую субботу я ходил сердитый и не выспавшийся, пытаюсь придумать какую-нибудь пакость, дабы прекратить свои «мучения», но помощь пришла сама собой, откуда я её совсем не ждал. Бабуля всё время пыталась помочь маме по хозяйству. Частенько поздними вечерами, помогая ей выжимать бельё на кухне и вешать его на верёвки, говоря при этом на ломанном русском: «Иди полягай с Миллером» (папу звали по-русски Миля, а она думала — Миллер). К слову сказать, отец мой любил голубцы в банках. Однажды он поставил банку голубцов в кастрюлю с кипящей водой на зажжённую газовую конфорку и забыл про неё, занимаясь очередным переводом. Старушенция, взобравшись в это время на табуретку посередине кухни, развешивала мокрое бельё. И вдруг раздался взрыв... Папа, я и сосед дядя Гриша прибежали на кухню и застали такую картину: прабабушка сидела на полу вся в голубцах с вылезшими на лоб глазами и, указывая на папу, твердила только одну фразу: «Она хотела мене убить...»

К нам в гости старушка больше не приезжала, и я виделся с ней ещё несколько раз у неё в доме по возвращении дедушки Лёвы из заключения.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

Валюна, Мишка, Борька и Сашок—это мои друзья. Жили мы в одном дворе. Играли, ссорились, дрались и мирились чуть ли не каждый день. А вот если на кого-то из нас «тянули» ребята с другого двора, то мы стояли друг за друга стеной. Даже в драках мы относились друг к другу с уважением: одежду старались не рвать, ни палок, ни ножей не использовать (хотя в те времена каждый из нас носил в кармане перочинный ножик), и, самое главное, дрались мы только до «первой кровянки», после этого стоп! Дёргали мизинец за мизинец про-износя: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться!» После этого—мир. Это был придуманный нами закон, и вскоре его подхватили и старшие, и младшие пацаны нашего дома. Время было тяжёлое, послевоенное, но честное.

Большим развлечением был приход старьёвщика. Мы волокли ему всякие рваные шмотки и рухлядь и меняли этот хлам на свистульки, петушков из жжёного сахара или что-то ещё из «богатств», хранившихся в сундучке старьёвщика на телеге, запряжённой старой лошадкой. «Богатства» эти принадлежали нам всем, и пользова-лись мы ими по очереди.

Валюна, Мишка и я собирали марки, монеты и всякую ерунду, которой менялись друг с другом. Дело это вызывало много споров, слёз и даже ссор, а потому мы

переключились на игру в шахматы и шашки. Мы даже записались в шахматный кружок в Клубе строителей, окрещённый нами «Клоповник». В первом же турнире я выиграл все десять партий, и наш руководитель международный гроссмейстер на протезе Сало Флор посоветовал мне серьёзно заняться этим делом. Я был горд, получив сразу четвёртый разряд. Увы, даже в том возрасте меня больше интересовали девочки, и через несколько месяцев я бросил шахматную школу, но ещё долго после этого увлекался решением шахматных задач.

Сашок любил рисовать и вечно пах масляными красками. Борька хотел быть почтальоном, как его мама тётя Даша, которой мы помогали, таская тяжёлую «письменную» сумку, но так им и не стал. А я всё больше и больше искал общения с Зойкой и Галкой из третьего подъезда по кличке «Ёжик».

Хорошо помню серый мартовский день пятьдесят третьего. По радио объявили, что умер Сталин. Жизнь остановилась. Мама и соседки тётя Шура и Ифтевна плакали. Двор и улицы, прилегавшие к нашему дому, были пустынные. Изредка проезжал автобус. Создавалось такое впечатление, что время остановилось.

Спустя пару дней наша пятёрка собралась возле большой лужи, где мы пускали кораблики, сделанные из коры деревьев и спичек. На повестке дня было два очень важных вопроса. Первый — каким образом линкор может поместиться в море, ведь он такой огромный. Решения этому вопросу мы так и не нашли. Второй вопрос мы решили моментально и единогласно. Был он в том, кто заменит товарища Сталина на его посту. У нас не было ни капли сомнений: или Ворошилов, или Будённый!

Судьбы нашей пятёрки сложились по-разному. Валентин Иванов стал физиком, но спился и, как мне сказали, умер в довольно молодом возрасте. Михаил Щербаков закончил ремесленное училище и всю жизнь проработал автомехаником. Александр Носаль закончил художественную школу, но больших успехов на этом поприще не достиг. Борис Дзябренко всю жизнь проработал там, где хотел: в морге, странно, но факт. Я же стал инженером и в тысяча девятьсот восемьдесят первом году покинул Советский Союз и уехал в Америку.

МОЙ ЛЕКСИКОН

Семью мою можно назвать интеллигентной. В молодости я часто спорил с подругой моей жены Сусанной, которая пыталась меня убедить в том, что интеллигентом можно считать только человека с высшим образованием. Я задавал вопрос: как насчёт Горького? На этом спор обычно кончался, но ненадолго. Так вот, о моей семье. Мама моя закончила десятилетку и всё, но так много читала, что знала русский язык и литературу много лучше людей с высшим образованием. Папа закончил институт, говорил на четырёх языках и прилично разбирался в политике. Марина знала только «агу» и как наделать в подгузник, а я... Ну, что же, давайте поговорим обо мне. Читать я не любил. В книжках меня интересовали только картинки, всё остальное «прописью» была пустая трата времени. Кино — вот это да! Особенно «Смелые люди» и, конечно же, «Чапаев». Память у меня была отменная, и я помнил все любимые фильмы наизусть: «Корабли штурмуют бастионы», «Матрос Чижик» и ещё кучу фильмов про войну. Нелюбовь к чтению привела к тому, что русский язык со всеми его правилами давался мне с трудом, зато «матерный» я освоил быстро и владел им почти в совершенстве. Как я уже писал, в центре нашего двора стояли стол и две скамейки. За столом этим мужики забивали «козла» или резались в карты, а я, освобождённый от детсада, имея

много свободного времени, стоял около игроков и вслушивался в витиеватые «рулады с матерком». Точного значения многих слов я не знал, но по жестам, сопровождавшим изящную словесность, догадывался, о чём идёт речь и какой «орган» правильнее будет упомянуть в обсуждаемом контексте. Почти все неприличные слова были звонкими и яркими, как вспышка магния, а потому запоминались в момент. Я никогда не слышал этих слов дома и потому гордился, что знаю то, чего не знают папа и мама. Говорить на «матерном» языке я начал целыми фразами. Выглядело это примерно так: я выходил во двор, подходил к песочнице, где возилась группа девочек, лепя куличики или, к примеру, Зойка копала ямку и делала «секрет». Осмотревшись, я выдавал тираду отборной брани, обращаясь к Зойке не иначе, как:

— Эй, ты, п...да!

Девчонкам это было явно не по душе, и они бежали ко мне домой и сообщали тёте Вале (моей маме), что Борька опять матом ругается. Мама тут же загоняла меня домой, давала шлепок по заду и запирала в комнате на полчаса. Я смотрел в окно на игравших там во дворе моих «врагов» и готовил месть. В конце концов меня выпускали из «мест заключения». Я выходил на свободу, делал пару кругов вокруг газона, подходил к Зойке и, чтобы она поняла, кто здесь мужик, произносил отчётливо:

— А ты всё равно п...да!

После этого я убежал за дом и прятался в кустах, чтобы мама не могла меня найти. В эти минуты я был горд, что отстоял свои мужские права, объяснив Зойке анатомическую правду...

Было мне лет семнадцать, когда произошёл случай, круто повернувший мою судьбу. Как-то в разговоре

с Люсей, моей знакомой, я упомянул, что мой отец свободно говорит на четырёх языках, на что Люся сказала:

— Твой папа полиглот.

Слова этого я не знал и ответил:

— Нет, он польский еврей.

Люська смеялась до слёз, а мне стало так стыдно за свою безграмотность, как никогда ещё не было.

С тех пор я начал читать, читать взахлёб, открыв для себя чудный необыкновенный мир — мир слов.

МОИ ШКОЛЫ

В сентябре пятьдесят третьего года я пошёл в школу. Первая моя школа называлась «437-я мужская школа Первомайского района города Москвы». Даже трудно представить, что я начал учиться в ту далёкую пору, когда мальчики и девочки учились раздельно. Ходьбы до «храма наук» было полчаса, автобус и трамвай ходили в другом направлении, и маме приходилось водить меня в школу и встречать после уроков каждый день недели, кроме воскресенья. Для меня это были прогулки, а для мамы — большая потеря времени. Ходили мы и в дождь, и в снег, и в жару, и в мороз. Ходили мы не потому, что у меня была огромная тяга к знаниям, а потому, что обучение в школе было обязательным для всех детей.

Уже в первом классе роста я был высокого, а потому посажен был на предпоследнюю парту с мальчиком по фамилии Майоров — он был переростком и учился в первом классе третий год. На последней парте за нами сидели два парня — Генералов и Адмиралов. Оба они, как и мой сосед, были третьегодниками и были выше меня ростом. Я всегда попадал в «хорошенькие» компании, как говаривала моя мама.

Учиться мне было интересно только по арифметике. Чтение, правописание и чистописание меня не интересовали вовсе. Особенная «напряжёнка» была с чистописанием. Пользовались мы тогда ручками с перьями

(в Ленинграде их называли «вставочки»). Ученики первых классов обязательно должны были писать пером номер одиннадцать. Если соблюдать правильный наклон и нажим пера, то буквы получались очень красивые. Дома этим предметом со мной занимался папа. Почерк у отца был каллиграфический. Я же безбожно жал на перо, буквы при этом получались толстые и какие-то кривые. И ещё я кругом сажал кляксы.

Должен заметить, что за всю свою жизнь отец ни разу не тронул меня пальцем, а честно говоря, надо было. Пятого сентября в папин день рождения я принёс из школы кол по чистописанию. Отец поблагодарил меня за чудесный подарок и только взмахнул рукой, чтобы дать мне пощёчину, как я тут же упал, а в дверях комнаты появилась мама. Она сделала строгий выговор папе за то, что он бьёт ребёнка, дала мне подзатыльник и усадила делать домашнее задание.

Первый класс я закончил на все четвёрки и был переведён во второй, но уже в другую школу, которая была в пятнадцати минутах ходьбы от дома. То, что школа эта была ближе, было очень удобно, но вот то, что это был первый год совместного обучения мальчиков и девочек и что меня перевели в «девчачью» школу, было очень плохо. Успеваемость моя и моих друзей резко упала. Во втором и третьем классах я учился так себе. А вот с четвёртым классом, последним классом начальной школы, у меня связаны очень тёплые воспоминания. Учебный год я начал в новой 419-й школе, расположенной через дорогу от моего дома. Построена она была по новому проекту, имела просторные классы, большой спортзал и огромную спортивную площадку во дворе. Учиться я стал намного лучше и окончил четвёртый класс на отлично. За примерную успеваемость несколько учеников

школы получили пригласительные билеты на Новогоднюю ёлку в Кремль. В числе этих счастливиц были Зойка и я. Даже сейчас я помню почти в деталях и ёлку, и сам праздник, и бал в Большом Кремлёвском дворце, и Большой зал заседаний, куда часовые разрешили Зойке и мне заглянуть. Я был так возбуждён всем происходящим, что где-то потерял свой подарок. Был это очень красивый жестяной баул, весь украшенный цветными картинками с дверкой на замочке. Внутри этого сказочного ларца было много вкусного печенья и шоколадных конфет.

Домой я вернулся необычайно расстроенный со слезами на глазах. Позже пришла Зойка и принесла мне часть своих конфет и печенья, что, конечно же, было очень приятно. Но вот этот замечательный баул я не могу забыть и по сей день.

ДОМОРОЩЕННЫЙ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Один из моих любимых героев детства — это Пржевальский. Посмотрев фильм об этом человеке раз десять, я впитал в себя романтику гор, леса, костра. До сих пор обожаю смотреть на восходы и закаты солнца, на звездное небо и мечтать, как тот мальчишка лет десяти.

Мои путешествия начались с походов на поле за домом, в школу по разным улицам, от раза к разу меняя маршруты, на Оленьи горы, на речку Серебрянку. Первыми моими «исследовательскими» работами были подвал и чердак нашего дома. Поводом для похода в подвал послужил «правдивый» рассказ Жени Дорыдановой, пьяницы и гулёны, жившей в квартире над нами. Она сообщила Валюне, когда была в довольно поддатом состоянии, что, сидя во дворе в полночь, услышала сильный шум из подвала и, якобы, спустилась туда, чтобы разобратся, кто там спрятался, но увидав какое-то страшило, сильно испугалась и убежала к себе в комнату. Там она продрожала до утра, а потом купила «пузырь», выпила и только тогда успокоилась. Сам я дрожал, как осиновый лист, только от этого рассказа. Через пару дней я спросил Валюну, не хочет ли он сходить в подвал и разобратся, что к чему. Дружок мой повертел пальцем у виска и заявил, что я псих. Прошла примерно неделя, и Валюна с Мишкой отвели меня за дом и прошептали в два голоса, как заговорщики:

— Слушай, Борька, давай лучше сходим разведем чердак — там светлее.

Я согласился, и экспедиция была назначена на послезавтра. На следующий день вечером мы проверили походное оснащение: фонарики, ножи, флягу с водой, молоток и маленькую ножовку. Всё было на месте, но тут Мишка мудро заметил, что нужен ключ от замка, чтобы открыть лаз в потолке подъезда на втором этаже. Это была проблема. Ключ хранился в домоуправлении, и нам его никто не даст. Но, как говорится, «голь на выдумки хитра», и мы нашли треугольную железку, которой можно было оторвать замочную петлю. Довольные собой, мы разошлись по домам.

В условленное время по одному, чтобы не обращать на себя особого внимания, мы поднялись на второй этаж. Открывать люк на чердак, как самому длинному, поручили мне. Я влез по лестнице, привинченной к стене, посмотрел на огромный замок и понял, что треугольной железкой петлю не оторвать. Все наши планы шли прахом. Сообщив пацанам, что дело швах, я в сердцах ударил по замку железкой, и — о чудо! — замок открылся, вероятно, он не был заперт. Мы по-быстрому забрались на чердак и закрыли лаз, оставив замок висеть в петле.

Первым делом мы поделили на три части бутерброд с маслом и сахарным песком (большое лакомство тех лет), который принёс Мишка, и умяли его. Осмотревшись, увидали, что чердак представлял из себя открытое пространство, в котором было множество стропил и укосин, державших двускатную крышу. Через слуховые окна, расположенные через каждые метров десять, пробивался дневной свет. Пол был усеян всяким мусором. Недалеко от люка под первым слуховым окном сто-

ял стул и табурет. На столе стояли две пустые бутылки из-под портвейна, стаканы и пепельница, полная окурков. Чуть в стороне лежал изодранный матрас и рваные промасленные телогрейки. Я уже видел такую «обстановку» в кинофильме про бандитов, и у меня по спине побежали мурашки...

Два часа мы обшаривали чердак, но не нашли ничего, кроме хлама и ободранного кошачьего хвоста. Разочарованию нашему не было предела. Мы не нашли ни пятен крови, ни стрелянных гильз. На улице начинало темнеть, и мы понуро потянулись к люку на лестничную клетку, но не тут-то было. Из лаза отчётливо доносился какой-то шум. Мы притаились за стропилом и затихли. В отверстии лаза появились головы дворника и Женьки Дорыдановой. Они потихоньку влезли на чердак и прикрыли вход. Осмотревшись, парочка уселась на матрас. Дворник достал початую бутылку водки и плавленый сырок и аккуратно разлил «зелье» по стаканам. Они выпили, занюхали сырком и закурили, молча глядя в крышу. Прошло около часа. Вдруг дворник схватил Женьку за грудь. Она ругнулась, оттолкнув его, и вдруг сама упала на матрас плашмя и захрапела. Мужик попытался её расшевелить, но всё было без толку. Она только грубо материлась со сна и ещё сильнее храпела. Он же заткнул бутылку с оставшейся водкой бумажной пробкой, положил её во внутренний карман пиджака и полез в люк.

Мы подождали, пока не увидели его во дворе, и тихо спустились на пол второго этажа через лаз. На улице было темно. Заявившись домой в столь поздний час да ещё весь перепачканный, я, конечно же, был наказан — лишён послеобеденного гулянья на неделю. Все великие люди страдали за свои поступки.

ПОДВАЛ

Отбыв «срок заключения», я встретился с ребятами, и мы принялись за разработку плана «Подвал». Проанализировав наши чердачные приключения, мы пришли к выводу, что не так страшен чёрт, как его малюют. Вот только одна проблема: в подвале не везде есть свет. Опять эти противные мурашки по спине! Каждый из нас боялся этого путешествия в одиночку, но друг перед другом мы строили из себя героев. Первый раз в жизни я почувствовал, что обязан сделать то, чего очень боюсь, но отступить было нельзя — в моём понимании я становился мужчиной.

В субботу в четыре часа пополудни мы осторожно спустились в подвал по лестнице в моём подъезде. Волосы на голове шевелились сами по себе, а мурашки стали совершенно неуправляемыми. Ну и, конечно же, живот завязался в узел и никак не хотел развязываться. Тем не менее я шёл вперёд на ватных ногах и скрипел зубами. Страх, да и только! При свете тусклой лампочки мы прошли по коридору метров тридцать и... упёрлись в стену. Стена эта была глухая и разделяла дом на две части. Мы пошли обратно, обследуя по дороге маленькие комнатухи, заполненные разным хламом, но всё впустую — ничего интересного. Не доходя метров пяти до лестницы на улицу, мы услышали приглушённые мужские голоса и шаги. Умирая от страха, мы спрята-

лись за выступ стены и увидели, как две тёмные фигуры скользнули по коридору и исчезли в одной из комнатушек, через несколько минут мы услышали металлический скрежет и хлопок, очень похожий на выстрел. Недолго думая, мы помчались к выходу и, задыхаясь от страха, выскочили во двор. Возле помойки, на наше счастье, стоял участковый милиционер капитан Попов и отчитывал дворника за неубранный мусор. Дворник по кличке Мордва, как всегда, был пьян и, покачиваясь на кривых ногах, пытался понять, чего от него хотят. Мы налетели на Попова и, размахивая руками, оралы во всё горло, что в подвале один бандит убивает другого. Мы, мол, слышали стрельбу и шум борьбы. Насочиняли мы с испугу с три короба. Участковый внимательно нас выслушал, поправил кобуру и в сопровождении дворника пошёл к моему подъезду. В течение одной минуты двор был полон жильцов. Валюна, Мишка и я «геройски» тряслись от страха, но к подъезду подойти боялись. Капитан приказал всем замолчать и стал медленно спускаться в подвал, держа наготове пистолет ТТ. Осторожно ступая, он шёл вниз по лестнице, потом повернул налево в сторону шума, доносившегося из глубины подвала, и исчез из виду... Прошло минуты три-четыре, и из подвала появился мой сосед со второго этажа Алька, а за ним вместе с участковым во двор вышел... мой папа. От неожиданности я сделал шаг назад и, зацепившись за ограду, шлёпнулся на газон, потянув за собой Мишку и Валюну. Папа держал в руках сверло, Алик — молоток, а Попов — пистолет. Все трое хохотали до слёз, сгибаясь до земли.

Незадачливые сыщики разошлись по домам, понурились головы. На следующий день в воскресенье на стене дома у ворот в детский сад красовался баскетбольный щит

с кольцом и сеткой, предмет гордости нашего двора. По выходным мой папа и Алька мастерили эту штукювину в подарок ребятам.

На очередной сходке мы решили перенести наши исследования подальше от двора. Прошло несколько месяцев, покуда обитатели нашего дома перестали над нами посмеиваться и называть «пинкертонами».

Борис Пукин родился в 1945 году на Урале в городе Краснотурьинске. Дед Бориса, полковник Лев Бородянский, работал заместителем директора большого комбината, производившего алюминий. В 1946 году семья переехала в Москву, где деда арестовали по ложному обвинению и сослали в ГУЛАГ на 15 лет.

Борис прошёл все ступеньки советского образования: детский сад, школу, техникум и институт, а затем на три с лишним года был призван в армию. Работал инженером.

В 1975 году начал писать стихи и прозу. Подборка его стихов должна была быть опубликована в журнале «Юность», но не состоялась, так как в 1981 году Борис с женой и сыном эмигрировал в США.

Много лет проработал дизайнером в проектной фирме в Нью-Йорке. Выйдя на пенсию в 2017 году, Борис Пукин продолжил заниматься творческой деятельностью, плодом которой и является книга «Непослушная жизнь».

Произведения, включённые в эту книгу, рассказывают о судьбах очень разных людей, о том, что знают и помнят люди старшего поколения, и о том, чего не должны забывать наши дети и внуки.

